

Шёл третий год войны. По разбитой просёлочной дороге из деревни Жерновка ползла старенькая бричка, запряжённая парой быков. Они нещадно хлестали себя облепленными репейником хвостами, пытаясь избавиться от кровососущих тварей: слепней и паутов. Завидев густой березняк, поросший травой и кустарником, быки, не обращая внимания на вожжи возницы, свернули с дороги и полезли в самую чащу.

Ванька, тринадцатилетний подросток в длинном отцовском плаще, соскочил с брички и подошёл к быкам. Они влажными языками тянулись к траве и будылям пучек. Взявшись за постромки, мальчишка попытался с их помощью сдвинуть бричку назад. Но потуги подростка не приносили успеха. Мотая рогатыми головами и толкаясь боками, быки упорно не хотели пятиться. Пряча злость и досаду, Ванька достал из кармана плаща два перезрелых огурца и сунул их в пасть животным:

– А ну, угорелые, давай назад!

Неподалеку, за берёзовым колком, загудел комбайн. Чертыхаясь и обдирая руки о колючки шиповника, Ванька с трудом вывел подводу на дорогу.

Из бункера комбайна в бричку водопадом хлынули янтарные зёрна пшеницы. Усатый комбайнёр, достав из кармана кiset с самосадом, ловко скрутил из старой газеты «козью ножку» и, зажав её между зубов, запалил огоньком от спички.

– Что-то ты, Ванька, припозднился малёхо.

– Да быки, язви их в душу, зауросили. Видать, за день устали таскать бричку взад и вперёд по пыльной дороге.

– А кому сейчас легко? Время тяжёлое. Вся деревня еле сводит концы с концами. Скорей бы уж уборочная кончалась, – смачно сплюнул на землю Лёха. – Отец-то давно писал?

– Давно. Последний треугольник из-под Курска получили. А пока письмоноска стороной наш дом обходит. Ты мне чинарик-то оставь, дядя Лёша, а то в животе урчит.

Отъезжая от комбайна Ванька услышал вдогонку:

– Встретишь Генку, поторопи. Смена моя кончается.

С соседским Генкой они по очереди возили зерно от этого комбайна на сушилку.

Пока Ванька ехал к сушилке, какие только мысли не ворочались в его лохматой голове. Дома его ждали голодные маленькие сестрёнки, а он сидит хозяином на куче зерна. Но не могли отсыпать в карманы, хотя и велико искушение. Хорошо хоть набил котомку и карманы плаща подвернувшимися на опушке обабками и сыроежками. «На грибницу их, пожалуй, хватит», – радуясь предстоящему ужину, подумал он.

У моста через речку ему повстречался оперуполномоченный из их села Силыч. Ничто не ускользало от глаз вездесущего начальника. Заметив оттопыренные карманы плаща, он подошёл к Ваньке:

– Вроде, зерно возил? – спросил и бесцеремонно стал ощупывать его карманы, давая в крошки хрупкие шляпы грибов. Потом осмотрел котомку и, протягивая её назад, пригрозил:

– Ты смотри у меня. Поймаю с колхозным зерном, пеняй на себя.

Ванька, глотая от обиды крупные зёрна слёз, стал подниматься на пригорок по заросшей лопухами улочке к своему дому. Окна Генкиного дома были темны, а вот в избушке у Фроськи, жившей в доме наискосок, свет от керосиновой лампы горел. И этот огонёк осушил его глаза и обрадовал душу. Нравилась ему, как и Генке, эта бойкая белобрысая

девчонка с тощими косичками на затылке. Все трое с детства жили на виду друг у друга.

Видя, что повзрослевшая Фрося всё чаще проводит время с Ванюхой, ему стало обидно, не по себе, в душе его заскребли кошки. Очень уж ему захотелось как-то насолить им, а попросту, отомстить своему сопернику.

Уборочная страда заканчивалась. Генка с Ванькой всё так же возили зерно от комбайна на сушилку. Однажды, возвращаясь в деревню, Генка выбрал минуту и, воровски оглядевшись по сторонам, сбросил под берёзу у ряма котомку, украденную у Ваньки, в которую он насыпал зерна из своей брички. Силыча ещё дома не было. Генка, как бы невзначай, проговорился матери, что под развесистой берёзой у ряма заметил валявшуюся в траве чью-то котомку. Та, в свою очередь, попросила Силыча сходить и посмотреть.

Наутро возле Ванькиного двора остановился плетёный ходок, и из него вылез грузный Силыч. В руках он держал котомку с зерном. Прямо с порога он показал её Марье.

– Ваша? Я видел у твоего Ваньки точно такую же котомку. Собирайся, Марья. Вместе с сыном поедешь со мной в райцентр. Там разберутся.

За спиной Силыча появилась соседская девочка Фроська и, пройдя в горницу, обняла плачущих Ванькиных сестрёнок. А когда она вышла во двор, чтобы проводить отъезжающих, на её ситцевый сарафан с ромашками тоже закапали слёзы.

– Фрося! Ты со своей бабушкой позаботься о ребятне, пока мы ездим, – крикнула Марья, перекрестив оставшихся на крыльце детей. Садясь с сыном в повозку, она ещё не знала, что ей дадут два года тюремного срока, а Ваньку пошлют учиться в ФЗУ при Сибсельмаше.

Лёгкий ходок Силыча покати к речке. А из-за угла за ним с любопытством наблюдал розовощёкий Генка.